

САМАРА ВОСЕМНАДЦАТОГО ВЕКА В ДНЕВНИКЕ АНГЛИЙСКОГО СОТРУДНИКА ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ*

Юрий Смирнов

Самарский национальный исследовательский университет,
Самара, Россия

EIGHTEENTH-CENTURY SAMARA IN THE DIARY OF AN ENGLISH MEMBER OF THE ORENBURG EXPEDITION

Yuri Smirnov

Samara National Research University,
Samara, Russia

This article examines the *Diary* of the Englishman John Castle, an important source on the history of the Orenburg Expedition (Commission) and regions where it operated. The expedition made a notable contribution to the annexation of new territories in southeast Russia and their development. The *Diary* is one of the few graphical testimonies on the history of the territory, as Castle was a draughtsman. The *Diary* was published in German in 1784 while a translation into Russian was only released in 1998. The article's author also refers to another translation of parts of the *Diary* devoted to Samara translated by A. Ognev in the same year. The research demonstrates that Castle's work contains noteworthy data on matters other than Kazakhstan, which until now has been of primary importance for specialists working with the source. It contains authentic and unique data on the daily life of Russian towns bordering Asian countries in the eighteenth century. The *Diary* also relates its author's communications with the outstanding statesmen I. Kirilov and V. Tatishchev, Castle's superiors. They headed the Orenburg Expedition (Commission) when its headquarters was located in Samara. Foreign specialists worked in the expedition because Russian modernisation relied on progressive foreign experience and a policy of attracting foreigners into

* *Citation:* Smirnov, Yu. (2020). Eighteenth-Century Samara in the Diary by English Officer of the Orenburg Expedition. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 823–834. DOI 10.15826/qr.2020.3.497.

Цитирование: Smirnov Yu. Eighteenth-Century Samara in the Diary by English Officer of the Orenburg Expedition // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 3. P. 823–834. DOI 10.15826/qr.2020.3.497 / Смирнов Ю. Самара восемнадцатого века в дневнике английского сотрудника Оренбургской экспедиции // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 823–834. DOI 10.15826/qr.2020.3.497.

Russian service. The view of a non-Russian expert on local realities is important given the presence of many actors on the outskirts of the empire. Social groups, including foreigners who served in Russia, participated in the process of forming “collective representations” of a society undergoing modernisation. This process had its own peculiarities in territories where modernisation and colonisation via the “frontier model”: Bashkiria, the Southern Urals, the Trans-Urals, and the Trans-Volga regions. Beyond any doubt, the search for and analysis of the written and artistic heritage of foreign witnesses of the development of southeastern Russia in the first half of the eighteenth century will add to our knowledge about an important epoch of Russian history and the life of its southeastern territories.

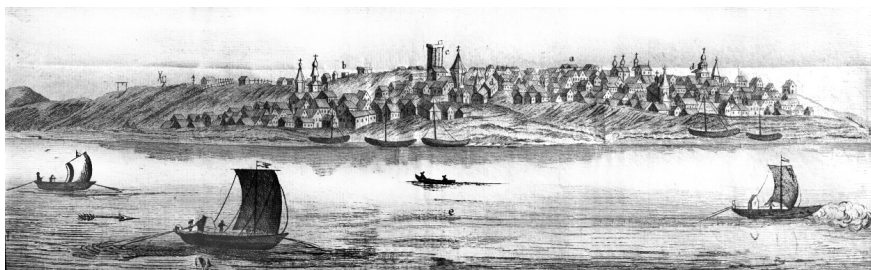
Keywords: Russia in the 18th century; history of the Volga region; history of the Southern Urals; Russo-English relations; foreign experts; source studies.

Статья посвящена важному источнику по истории Оренбургской экспедиции (комиссии) и регионов, где она действовала, – «Дневнику» английского сотрудника Джона Кэстля. Экспедиция внесла заметный вклад в освоение новых территорий на юго-востоке страны. Дневник является одним из немногих визуальных исторических источников, поскольку Кэстль служил рисовальщиком. На немецком языке он появился в печати в 1784 г., перевод на русский язык был опубликован в 1998 г. Независимо от этого издания, в том же году были опубликованы разделы дневника, посвященные Самаре, в переводе А. Н. Огнева, которые были привлечены к анализу. В ходе исследования выяснилось, что сочинение Кэстля содержит важные сведения не только о Казахстане, на что до сих пор было нацелено внимание специалистов; в нем имеются уникальные достоверные сведения о повседневности российских городов XVIII в., стоявших близ границ с народами и странами Азии. В «Дневнике» рассказано об общении автора с выдающимися государственными деятелями, замечательными учеными И. К. Кириловым и В. Н. Татищевым, под чьим началом служил Кэстль. Они возглавляли Оренбургскую экспедицию (комиссию), когда ее штаб находился в Самаре. Иноземные специалисты работали в этой экспедиции, так как российская модернизация проводилась с опорой на прогрессивный зарубежный опыт и предусматривала привлечение иностранцев на русскую службу. Взгляд иноземного специалиста на местные реалии важен в связи с наличием множества акторов исторического процесса на каждой имперской окраине. Каждая из социальных групп, включая служивших в России иностранцев, участвовала в процессе формирования коллективных представлений общества, переживавшего процесс модернизации. Этот процесс имел свои особенности на тех территориях, где модернизация и колонизация протекали в условиях «фронтирной модели»: это Заволжье, Башкирия, Южный Урал и Зауралье. Поиск и анализ письменного и художественного наследия иностранных участников и свидетелей освоения юго-востока России в первой половине XVIII в. полезен для углубления знаний о рассматриваемой эпохе в жизни России и ее территорий.

Ключевые слова: Россия в XVIII в.; история Поволжья; история Южного Урала; российско-английские связи; иностранные специалисты; источниковедение.

Масштабность замысла Оренбургской экспедиции (комиссии) 1734–1744 гг. обуславливает интерес к ней в традиционной и новейшей научной литературе [Рычков; Зулькарнаев]. В ее ходе в состав Российского государства вошли обширные пространства Поволжья, Урала, Казахстана. В штат экспедиции было включено около 130 человек – армейских и морских офицеров, фортификаторов и артиллеристов, геодезистов и медиков, ученых и священников, канцелярских и прочих служителей. В экспедиции работали и иноземные специалисты, так как в политике российской модернизации использовался прогрессивный зарубежный опыт, и на русскую службу привлекались иностранцы [Алексеев, Зубков, с. 60].

Штаб Оренбургской экспедиции (комиссии) семь лет (с сентября 1736 по август 1743 г.) находился в Самаре, которая стала по сути временной столицей завожских и приуральских земель, вновь присоединенных к Российской империи. Джон Кэстль (John Castle, нем. Jan Cassel), англичанин, принятый на русскую службу в качестве художника экспедиции, оставил в «Дневнике» описание своей деятельности в комиссии [Castle].

1. Самара в конце 1730-х гг. Книжная гравюра по рисунку Дж. Кэстля

Samara, late 1730s. Book engraving based on J. Castle's drawing

Основной интерес к этому сочинению проявили как отечественные, так и зарубежные специалисты по истории Казахстана [Матвиевский; Teissier]. Это объясняется особым вниманием в тексте «Дневника» к поездке Кэстля к хану Абулхаиру, отразившимся в названии всего сочинения («Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой орды»). В Алматы было предпринято первое полное издание данного сочинения в переводе на русский язык [Кэстль]. Тем не менее, оно является ценным свидетельством о прошлом и других регионов, о чем свидетельствуют, в частности, ссылки на него в трудах уфимских ученых [Акманов, Зулькарнаев, Буканова, с. 185; Таймасов, с. 165].

Наличие подробных очерков деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в связи с историей региона [Артамонова, Дубман, Смирнов, с. 118–137] позволяет обойтись без развернутого комментария к событиям «Дневника» и сосредоточиться на личности Д. Кэстля и его пребывании в Самаре.

Биографические сведения о нем скудны и требуют дальнейших изысканий. Известно, что 16 июля 1734 г. он был принят инициатором Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым на службу в качестве художника сроком на три года. Кроме того, в контракте заключалось требование за указанные годы обучить своему искусству трех человек, для чего в учение к англичанину были отданы трое воспитанников московской Славяно-греко-латинской академии [Материалы, с. 332–333].

Летом 1736 г. он совершил поездку к казахам с дипломатической миссией, чему и посвящена основная часть «Дневника» (что неоднократно освещалось в литературе). На остальных страницах речь преимущественно шла о разного рода злоключениях автора, которые были вызваны тщетными попытками получить из казны компенсацию за поездку, совершенную на собственные средства, добиться вознаграждения за труды и понесенные лишения. Предпринимая к тому усилия, Кэстль, будучи в Петербурге, составил окончательную редакцию своего «Дневника». Это произошло в царствование Ивана Антоновича, то есть в конце 1740 или в 1741 г. Можно полагать, что данный текст был предназначен для обоснования жалоб и просьб англичанина в инстанциях, рассматривавших его дело. Он был отправлен в отставку с почестями, что отразил в «Дневнике» [Кэстль, С. 83–84]. О дальнейшей судьбе Кэстля ничего не известно. Рукопись его «Дневника» оказалась в Герцогской библиотеке Риги. В этом городе она была издана в 1784 г. И. Ф. Гаркнохом с предисловием Д. Х. Шмидта на языке оригинала – немецком [Castle]. В документах на русском языке Кэстля также часто называли на немецкий манер Яганом Касселем.

Выбор немецкого языка для дневника и принятая в обиходе немецкая форма имени говорят о том, что Дж. Кэстль был не совсем обычным англичанином. Мы ничего не знаем о его связях с Британией, в России жили его отец и брат. На службу он был нанят в Москве. Следы его обрываются тоже в России, то ли в Петербурге, то ли в Риге. Хотя он радостно сообщал о встречах в Самаре со своими соотечественниками, но сами английские торговцы, разведчики, авантюристы Кэстля полностью за своего не принимали, что подтверждает высказанное в современной историографии мнение об иностранцах в России имперского периода, которые «представляли собой разнородную иерархизированную общественную категорию» [Границы и маркеры социальной стратификации России, с. 397].

Показательна книга Йонаса Ганвея, представляющая собой своеобразный свод записок о поисках англичанами путей в страны Востока через российские владения в первой половине XVIII в. Сюда материалы Кэстля или о Кэстле не вошли, хотя в ней фигурируют дневники его самарских знакомых Хогга и Эльтона [Hanway, 1754a]. Они были написаны и первоначально изданы по-английски, но составленный Ганвеем сборник, вызвав большой интерес в Европе, был очень скоро переведен и на немецкий язык [Hanway, 1754b].

Упоминание об этих англичанах можно встретить в дневниковой записи Кэстля от 13 октября 1736 г.:

Я по прибытии моем в Самару снова должен был искать квартиру. Я осведомился, не встречались ли здесь мои земляки, и встретил капитана флота Эльтона, англичанина из нашей экспедиции, вместе с английским купцом Хоггом [Дневник, с. 50].

Все изложенное позволяет видеть в Кэстле человека, более связанного с Россией, чем целый ряд его соотечественников-современников, хотя его обрусение выглядит скорее онемечиванием. Определенное представление о личности автора дает лингвистический анализ «Дневника». По наблюдениям его переводчика А. Н. Огнева, в тексте присутствует «своеобразная трактовка языковой нормы». Она «позволяет говорить о принадлежности памятника не собственно немецкому коммуникативному сообществу, а немецкоязычной среде иностранцев, бывших выходцами из разных стран Европы и избравших немецкий язык средством межнационального общения» [цит. по: Там же, с. 54]. Эти наблюдения свидетельствуют в пользу предположения о тесных связях Кэстля со страной пребывания и с немецкой общиной в России.

В отличие от упомянутых выше Хогга, Эльтона, других искателей собственных выгод и путей для британских товаров на Восток, Кэстль верно служил России. Он писал:

...Нет смерти более славной, чем на службе Ее Императорскому Величеству, тем более что смерти я не боюсь, да и к деньгам сердцем я не привязан [Там же, с. 51–52].

Показателен для его биографии отказ от путешествия из Самары в Индию. Трудно представить, чтобы такой возможностью пренебрег кто-либо из настоящих агентов английских торговых компаний или британского правительства. По рассказу самого героя, первый руководитель Оренбургской экспедиции И. К. Кирилов менее чем за месяц до своей кончины, последовавшей 17 апреля 1737 г., прислал к нему 22 марта «бывшего бухгалтера и теперешнего секретаря Петра Ивановича Рычкова» (впоследствии выдающегося ученого. – Ю. С.). Кэстлю предложили, по его словам, «отправиться посланником с индийским купцом Манвари в Индию, обещав... дать в течение года 800 рублей, а также компенсировать... расходы у киргизов в разных местах пятьюстами рублями». Хотя предложение при «тогдашней нужде в деньгах» показалось Кэстлю «вполне приемлемым», но все же он «отказался от этого самым вежливым образом». На следующий день Кирилов вызвал к себе англичанина, за которым закрепились репутация «любителя путешествия», и уже сам предложил тому «совершить турне в Индию», на что опять получил отрицательный ответ [Там же, с. 52].

Отличиться на службе Кэстль старался не столько своими прямыми обязанностями художника, сколько другими делами. Он пытался выглядеть опытным рудознатцем или переговорщиком, считая, что на этих поприщах можно быстрее обрести славу и награды:

Некоторое время спустя после моего прибытия я напоминал статскому советнику Ивану Кирилову о данном мне обещании послать меня с моими донесениями и находками к Ее Императорскому Величеству в Петербург... Не хвастаясь своими стараниями, с которыми я искал подобные благородные и очень красивые камни, а также собственным удовольствием, требовавшим старания и опыта в поисках камней в различных местах, должен сообщить, что статский советник был обрадован привилегиями, полученными мною у киргизов, но я не знаю, почему он не лучшим образом выполнил данное мне обещание и не послал меня с реляцией в Петербург [Дневник, с. 51–52].

В надеждах на высокую оценку своих трудов как «геолога» и «дипломата» Кэстль просчитался: в распоряжении Оренбургской экспедиции были более опытные специалисты. Основным же обязанностям художника он уделял недостаточно времени, что вызывало раздражение начальства. И. К. Кирилов был вынужден забрать у Кэстля учеников, которых тот так и ничему не выучил, и отослать их в Петербург.

Неудачно складывались после смерти Кирилова отношения Кэстля с временно исполнявшими обязанности руководителей Оренбургской экспедиции А. И. Тевкелевым и П. С. Бахметевым:

Я передал полковнику Тевкелеву и старшему лейтенанту Бахметеву всевозможные донесения, касающиеся моего задержанного жалования и отъезда, так как я пребывал в столь ужасной нищете, что вынужден был из-за пропажи моего симбирского багажа выпрашивать себе кое-какое белье у своих добрых знакомых. Пожелания мои не были удовлетворены... В то время как я, таким образом, живя в страшной бедности, даже не получив компенсации, терпя нужду и голод, должен был полагаться на многочисленные прошения, они искали, как избавиться от меня [Там же, с. 52–53].

Назначенный новым начальником экспедиции В. Н. Татищев просил несколько раз Академию наук, чтобы «Касселя», который получал годовое жалованье в 400 рублей и «чрез три года ничего не сделал, но во многих продерзостях явился», заменили другим живописцем, искусным и прилежным, согласным работать за 300 рублей в год. Такого не нашлось, и контракт с Кэстлем пришлось продлить [Материалы, с. 501, 521, 528]. Однако на страницах «Дневника» ни о каких конфликтах с Татищевым не упоминается. Ему Кэстль дает самые положительные, почти восторженные оценки:

Я чувствовал себя очень привязанным к нему... Его доброта ко мне возрастала день ото дня, ибо я не пропускал ни единой возможности прочнее удостоиться его милости, уготовив себе тем самым особое счастье привлечь для себя действительную пользу от его духа и прочих качеств, таких как знание истории, естественных наук и достопамятностей, которыми он обладал в обильнейшей мере, тем более что мне было значительно легче обходиться с ним, ибо он превосходно понимал немецкий и другие языки, прекрасно умея выразить свои мысли. Он оказал мне милость также и тем, что взял меня в свой дом, оказывая всяческую честь и всевозможные благодеяния. Короче говоря, он стал моим патроном, так привязав меня к себе, что я на деле был ему предан, будучи столь обласкан им и будучи готовым к новым услугам, так как перед истечением контракта он полностью выплатил мне задержанное жалование, что привело к подписанию нового контракта в конце 1737 года. Я жил, пока предусмотренный контрактом год не истек, перед лицом почтительного отношения в изрядных удовольствиях, после утраты которых я получил от поименованного господина тайного советника Татищева 28 июня 1739 года почетную отставку [Дневник, с. 54].

В лести и неискренности заподозрить здесь Кэстля трудно, так как его бывший руководитель с 1739 г. находился под следствием, а потому для достижения своих целей ему было бы выгоднее облить его грязью в угоду высокопоставленным недоброжелателям Татищева. Видимо, Кэстль действительно ценил своего незаурядного начальника, а потому не поступился истиной в угоду тогдашней политической конъюнктуре ради успешного решения собственных споров с казной.

Несмотря на звучавшие упреки в недостатке рвения Кэстля на живописной стезе, его графическое наследие является весьма ценным как в художественном, так и в историческом отношении. В ходе многочисленных поездок его зарисовки чуть было не погибли. Как пишет Кэстль в своем дневнике, в марте 1737 г. «случилось несчастье из-за извозчика, который, будучи маленьким мальчиком, повез меня через течение покрытой льдом Волги». В результате англичанин «потерял почти все имевшиеся вещи и, чудом спасши свою жизнь, лишившись предметов первой необходимости, 16-го того же месяца прибыл в Самару». На следующий день, продолжает Кэстль, он все же передал Кирилову «приготовленную... работу, которую я к путешествию упаковал в деревянный ящичек и которую мне, к моему счастью, на Волге удалось спасти» [Там же, с. 52].

Кроме текста «Дневника», замечательным памятником проживания Кэстля в волжском городе является оставленное им изображение Самары конца 1730-х гг. на рисунке, по которому была сделана гравюра «Город Самара на Волге» («Die Stadt Samara an der Wolga»), приложенная к рижскому изданию сочинения Дж. Кэстля. Эта гравюра превосходит по достоверности более ранние и перекочевывающие из одного краеведческого издания в другое изображения города

из книг А. Олеария или К. де Бруина. Дело в том, что Дж. Кэстль – первый из художников, который видел и рисовал Самару, не просто проплыв мимо нее по Волге, а пробыв здесь несколько лет¹.

Подтверждением достоверности этого изображения является краткое описание Самары, сделанное буквально в те же годы и внесенное в текст рукописи Кирилова о географии и статистике России. Оно вполне могло бы послужить подписью к рисунку Кэстля:

Город Самара. На берегу Волги и Самары реки. У Волги влеве, у Самары вправо на самых вилах, где впадает в Волгу Самара, с восточную сторону имеет вал земной и была деревянная городьба, коя почти уже разсыпалась. Церковь Николая чудотворца каменная, соборная (Троицкая. – Ю. С.), и одна приходская (Вознесенская. – Ю. С.), и два монастыря, мужской и женской; канцелярия и воевоцкой дом деревянные... Ныне в том городе оренбургского командира дом и прочаго строения канцелярия, сарай, служительские казенные дома, школы немалым числом построены [Кирилов, с. 233].

На гравюре среди рядовой тесной жилой застройки бросаются в глаза традиционные для любого старинного русского города строения. Это прежде всего каменные и деревянные храмы, а также крепостные сооружения начала XVIII в. Гравюра дает возможность представить себе укрепления и церкви Самары тех лет, из которых ничего не сохранилось до настоящего времени, и является важнейшим источником по градостроительной истории Самары [Артамонова]. Расположение опознанных или обозначенных культовых и крепостных сооружений на рисунке осведомленного современника, каким был Дж. Кэстль, не совпадает полностью ни с одной из известных современных реконструкций облика города в XVII–XVIII вв., которые делались по словесным описаниям или по зарисовкам сомнительной точности.

Кроме культовых и фортификационных сооружений, никакие гражданские строения общественного и жилого назначения на гравюре графически ничем не выделяются из рядовой застройки. Скорее всего, особым размахом казенное и частное строительство в Самаре в это время не отличалось, исходило из узких практических нужд. Излишних усилий на придание представительности и выразительности зданиям гражданского назначения не предпринималось.

Отдельные сцены из жизни обитателей этих малопримечательных, судя по гравюре, домов можно встретить в «Дневнике». Один из домов выстроил для себя капитан Эльтон; из него «прибывший из Оренбурга лейтенант Пальтов» однажды, «будучи в пьяном виде,

¹ После рижской публикации в 1784 г. гравюру забыли более чем на два века, пока ее вновь не обнаружил автор данной статьи. В настоящее время она используется для реконструкции утраченных архитектурных памятников и облика Самары ушедших эпох, воспроизводится в изданиях по истории города [Кабытов, Артамонова, Смирнов, с. 134–137] и Самарского края [Дубман, Артамонова, Смирнов, с. 60].

намеревался вышвырнуть» хозяина. В другой дом Кэстль 16 октября 1736 г. «был приглашен в гости одним русским князем, женатым на дочери генерала Чернышева, по имени Белосельский, и отменно пообедал у него» [Дневник, с. 50].

Морской поручик князь М. А. Белосельский оказался здесь «по некоторым несчастным случаям». Бывший командир придворной яхты был отдан под суд в 1736 г. Его оговорили в распространении неблагоприятных слухов о царевне Екатерине Ивановне, Бироне и других лицах из родни и приближенных императрицы Анны Ивановны. Все обвинения Белосельский отрицал, но был отправлен из Тайной канцелярии на вечное жительство в Заволжский край. Поселившись в Самаре, он первоначально ничем не был занят. Впоследствии он стал активным деятелем Оренбургской комиссии, затем получил разрешение вернуться в столицу, где успешно продолжил карьеру в морском ведомстве, достигнув вскоре положения фактического главы Адмиралтейской коллегии [ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Л. 75 об.; Русский биографический словарь, с. 651–652].

Кэстль приводит те эпизоды из жизни города на Волге, которые запомнились или казались важными самому автору. Однако даже отдельные страницы прошлого Самары обладают исторической ценностью, ведь до нас дошло очень мало письменных источников личного происхождения о повседневности пограничного заволжского края в 1730-е гг. Записки английского рисовальщика уникальны, поскольку неизвестны практически никакие дневники его современников, касающиеся жизни данного города в указанное время. Гравюра же, сделанная по его рисунку, является графическим источником первостепенной важности в силу своей исключительной информативности, подробности и достоверности.

Наконец, взгляд иноземного специалиста на местные реалии позволяет учесть всю «множественность акторов исторического процесса на каждой имперской окраине» [Кабытов, Дубман, Леонтьева, с. 120], а также сложный характер формирования среди них и в их совокупности «коллективных представлений» в обществе, переживающем процесс модернизации [Artamonova, с. 900]. Этот взгляд особенно интересен тогда, когда модернизация и колонизация протекали в условиях «фронтирной модели», как ее определяет ряд исследователей [см., например: Смирнов, с. 874].

Список литературы

Акманов И. Г., Зулъкарнаев М. М., Буканова Р. Г. и др. История башкирского народа : в 7 т. Уфа : Гилем, 2011. Т. 3. 476 с.

Алексеев В. В., Зубков К. И. и др. Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2016. 316 с.

Артамонова Л. М. Укрепления и храмы Самары конца XVI – начала XVIII в. на гравюре Джона Кэстля // Зубовские чтения : сб. ст. Вып. 5. Александров : [Б. и.], 2010. С. 100–108.

Артамонова Л. М., Дубман Э. Л., Смирнов Ю. Н. и др. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.). Самара : Самар. отд. Литфонда, 2007. 327 с.

ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9.

Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / под ред. Д. А. Редина. СПб. : Алетей, 2018. 722 с.

Дневник путешествия из Оренбурга к хану киргиз-казахской татарской орды Абулхаиру... отображенного Джоном Кэстлем, англичанином и бывшим художником при Оренбургской экспедиции (самарские страницы) // Самарская область. Этнос и культура : информ. вестн. 1998. № 1–2. С. 50–54.

Дубман Э. Л., Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. и др. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX в. М. : Наука, 2000. 287 с.

Зулькарнаев М. М. История Оренбургской экспедиции в 1734–1737 гг. Уфа : БашГУ, 2008. 120 с.

Кабытов П. С., Артамонова Л. М., Смирнов Ю. Н. и др. История Самары (1586–1917 гг.). Самара : Самар. ун-т, 2015. 287 с.

Кабытов П., Дубман Э., Леонтьева О. Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования Российской государственности: современная концепция // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 117–131. DOI 10.15826/qr.2015.2.099.

Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М. : Наука, 1977. 444 с.

Кэстль Д. Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга к Абулхаиру, хану киргиз-кайсацкой орды / пер. с нем. В. Штаркенберга, В. Скорого. Алматы : Жибек жолы, 1998. 152 с.

Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 133–145.

Материалы для истории императорской Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1886. Т. 3. 898 с.

Русский биографический словарь : в 25 т. СПб. : Тип. Гл. упр. делов, 1908. Т. 3. 699 с.

Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург : Оренбург. губерн. стат. комитет, 1896. 93 с.

Смирнов Ю. Российская империя: от колонизации до революции // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 3. С. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М. : Наука, 2009. 344 с.

Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы : Рос. ист. журн. 2016. № 41–1 (3). С. 899–907.

Castle J. Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan... Reise // Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730–1741. Riga : [S. n.], 1784. 194 S.

Hanway J. An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea. L. : [S. n.], 1754a. Vol. 1–2.

Hanway J. Herrn Jonas Hanway zuverlässige Beschreibung seiner Reisen. Hamburg ; Leipzig : Grund und Holle, 1754b. Bd. 1–2.

Teissier B. Into the Kazakh Steppe: John Castle’s Mission to Khan Abulkhayir (1736). Oxford : Signal Books, 2014. 196 p.

References

Akmanov, I. G., Zul’karnaev, M. M., Bukanova, R. G. et al. (2011). *Istoriya bashkirskogo naroda v 7 t.* [History of the Bashkir People. 7 Vols.]. Ufa, Gilem. Vol. 3. 476 p.

Alekseev, V. V., Zubkov, K. I. et al. (2016). *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional’noe izmerenie* [The Actors of Russian Imperial Moderni-

sation (18th – Early 20th Centuries): A Regional Dimension]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 316 p.

Artamonova, L. M. (2010). Ukrepleniya i khramy Samary kontsa XVI – nachala XVIII v. na gravюре Dzhona Kestlya [Fortifications and Temples of Samara in the Late 16th – Early 18th Centuries in John Castle's Engraving]. In *Zubovskie chteniya. Sbornik statei*. Iss. 5. Aleksandrov, S. n., pp. 100–108.

Artamonova, L. M. (2016). Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: From Enlightened Absolutism to Civil Society. In *Bylye Gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*. No. 41–1 (3), pp. 899–907.

Artamonova, L. M., Dubman, E. L., Smirnov, Yu. N. et al. (2007). *Povolzh'ye – “vnutrennyaya okraina” Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorii (konets XVI – nachalo XX v.)* [The Volga Region as the “Inner Outskirts” of Russia: State and Society in the Development of New Territories (Late 16th – Early 20th Centuries)]. Samara, Samarskoe otdelenie Litfonda. 327 p.

Castle, J. (1784). Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul Geier Chan... Reise. In *Materialen zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaizers Peters des Grossen. Zweiter Teil. 1730–1741*. Riga, S. n. 194 S.

Castle, J. (1998). *Dnevnik puteshestviya v godu 1736-m iz Orenburga k Abulkhairu, khanu kirgiz-kaisatskoi ordy* [Travel Diary in the Year 1736 from Orenburg to Abulkhair, Khan of the Kirghiz-Kaisak Horde] / transl. by V. Shtarkenberga, V. Skoryi. Almaty, Zhibek zholy. 152 p.

Dnevnik puteshestviya iz Orenburga k khanu kirgiz-kazakhskoi tatarskoi ordy Abulkhairu... otobrazhennogo Dzhonom Kestlem, anglichaninom i byvshim khudozhnikom pri Orenburgskoi ekspeditsii (samarskie stranitsy) [Diary of the Trip from Orenburg to the Khan of the Kirghiz-Kazakh Tatar Horde Abulkhayir... by John Castle, Englishman and Former Artist at the Orenburg Expedition (Samara Pages)]. (1998). In *Samarskaya oblast'. Etnos i kul'tura. Informatsionnyi vestnik*. No. 1–2, pp. 50–54.

Dubman, E. L., Artamonova, L. M., Smirnov, Yu. N. et al. (2000). *Istoriya Samarskogo Povolzh'ya s drevneishikh vremen do nashikh dnei. XVI – pervaya polovina XIX v.* [The History of the Samara Volga Region from Ancient Times to Our Days: 16th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Nauka. 287 p.

GAOO [State Archive of Orenburg Region]. Stock 2. List 1. Dos. 9.

Hanway, J. (1754b). *Herrn Jonas Hanway zuverlässige Beschreibung seiner Reisen*. Hamburg, Leipzig, Grund und Holle. Bd. 1–2.

Hanway, Y. (1754a). *An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea*. L., S. n. Vol. 1–2.

Kabytov, P. S., Artamonova, L. M., Smirnov, Yu. N. et al. (2015). *Istoriya Samary (1586–1917 gg.)* [History of Samara (1586–1917)]. Samara, Samarskii universitet. 287 p.

Kabytov, P., Dubman, E., Leontieva, O. (2015). Srednyaya Volga i Zavolzh'e v protsesse formirovaniya Rossiiskoi gosudarstvennosti: sovremennaya kontseptsiya [The Middle Volga and Trans-Volga Region in the Context of Development of the Russian State System: A Modern Concept]. In *Quaestio Rossica*. No. 2, pp. 117–131. DOI 10.15826/qr.2015.2.099.

Kirilov, I. K. (1977). *Tsvetushchee sostoyanie Vserossiiskogo gosudarstva* [The Flourishing of the All-Russian State]. Moscow, Nauka. 444 p.

Materialy dlya istorii imperatorskoi Akademii nauk [Materials for the History of the Imperial Academy of Sciences]. (1886). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. Vol. 3. 898 p.

Matvievskii, P. E. (1958). Dnevnik Dzhona Kestlya kak istochnik po istorii i etnografii kazakhov [John Castle's Diary as a Source on the History and Ethnography of the Kazakhs]. In *Istoriya SSSR*. No. 4, pp. 133–145.

Redin, D. A. (Ed.). (2018). *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii v Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [The Boundaries and Markers of Social Stratification in 17th–20th Centuries Russia: Vectors of Research]. St Petersburg, Aletya. 722 p.

Russkii biograficheskii slovar' v 25 t. [Russian Biographical Dictionary. 25 Vols.]. (1908). St Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Vol. 3. 699 p.

Rychkov, P. I. (1896). *Istoriya Orenburgskaya (1730–1750)* [History of Orenburg (1730–1750)]. Orenburg, Orenburgskii gubernskii statisticheskii komitet. 93 p.

Smirnov, Yu. (2017). Rossiiskaya imperiya: ot kolonizatsii do revolyutsii [The Russian Empire: From Colonisation to Revolution]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 3, pp. 869–881. DOI 10.15826/qr.2017.3.255.

Taimasov, S. U. (2009). *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII veke* [Bashkir-Kazakh Relations in the 18th Century]. Moscow, Nauka. 344 p.

Teissier, B. (2014). *Into the Kazakh Steppe: John Castle's Mission to Khan Abulkhayir (1736)*. Oxford, Signal Books. 196 p.

Zul'karnaev, M. M. (2008). *Istoriya Orenburgskoi ekspeditsii v 1734–1737 gg.* [History of the Orenburg Expedition in 1734–1737]. Ufa, Bashkirskii gosudarstvennyi universitet. 120 p.

The article was submitted on 03.08.2018